

Николай Кременцов

Что нового было в «новом человеке» первой трети XX века?

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС

Nikolai Kremetsov

What Was New in the “New Man” of the First Third of the Twentieth Century?
Scientific Knowledge as a Cultural Resource

Николай Кременцов (Университет Торонто, Канада, Институт истории и философии науки и техники, профессор) n.kremetsov@utoronto.ca.

Nikolai Kremetsov (Professor, Institute for the History and Philosophy of Science and Technology, University of Toronto, Canada) n.kremetsov@utoronto.ca.

Ключевые слова: новый человек, культурный ресурс, наука о жизни, эволюция, научно-популярная литература, научно-фантастическая литература, визионерская биология, биопсихомедицинские технологии

Keywords: new man, cultural resource, life science, evolution, popular science literature, science fiction literature, visionary biology, bio-psycho-medical technologies

УДК: 82-3+930.85

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_31

UDC: 82-3+930.85

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_31

В статье рассматривается, когда, как и почему различные достижения науки о жизни, от теории эволюции до результатов экспериментальных исследований, стали важным элементом особого культурного ресурса, обозначаемого выражением «новый человек». Анализируются основные компоненты этого ресурса — представления о сущности человека и будущем человечества — и их исторические изменения. Путем сравнения двух романов, «Долина новой жизни» Ф.Н. Ильина (1928) и «О дивный новый мир» О. Хаксли (1932), исследуются сходства и различия в концепциях «нового человека», циркулировавших в британской и российской культурах первой трети XX века, и их источники.

This article examines when, how, and why various achievements of life science, from the theory of evolution to the results of experimental research, became an important element of a particular cultural resource denoted by the expression “new man”. It analyzes the major components of this resource — notions of human nature and the future of humanity — and their historical changes. Through the comparison of two novels, *The Valley of New Life* by Fedor Il'in (1928) and *Brave New World* by Aldous Huxley (1932), it explores the similarities and differences in the concepts of the “new man” that circulated in British and Russian culture in the first third of the 20th century, and their sources.

Шел 1927 год. Советский Союз готовился к празднованию десятой годовщины Великой Октябрьской революции и своего собственного пятилетия. Страна пыталась осознать всю грандиозность изменений, происшедших за минувшее десятилетие, и предугадать грядущие, наверняка еще более колоссальные, перемены. Журналисты, инженеры, учителя, врачи, режиссеры, художники, ученые, писатели и государственные деятели — все готовили торжественные отчеты о достигнутых за десять лет успехах и оптимистичные прогнозы будущих достижений. Именно в этой юбилейной атмосфере 28-летний инженер и начинающий литератор Андрей Платонов написал короткий рассказ, озаглавленный «Питомник нового человека»¹. «Наша тема заключается в объяснении

1 Параллельные тексты «Питомника нового человека» и его отредактированного варианта, озаглавленного «Человек, который будет», были опубликованы Н. Корниенко [Корниенко 2005: 505–515]. Все последующие цитаты даются по этому изданию.

будущего типа человека, который должен сменить ныне живущий тип», — так пояснял автор смысл своего очерка. По Платонову, в прошлом «человек, трудясь над переделкой мира, забывал параллельно переделывать себя» [Корниенко 2005: 509]. Большевицкая революция все изменила. «Начало нового человека положено в Советской России, — утверждал писатель, — новый человек уже живет... уже действует, но глупо было бы указывать его точный адрес и фамилию» [Там же: 514]. Весь Советский Союз и был тем самым «питомником», фигурировавшим в заглавии рассказа. Очерк Платонова обозначил весьма характерное явление в российской культуре послереволюционного десятилетия: его главный герой, «новый человек», действительно был одним из центральных элементов, если хотите — популярным мемом, большевицкой культуры. «Новый человек» появлялся в многочисленных фильмах, научных статьях, романах, философских трактатах, театральных пьесах и стихах. Его прославляли в песнях и симфониях, отображали в картинах, статуях и зданиях и приветствовали в торжественных речах государственные и партийные лидеры.

Однако, несмотря на убеждение Платонова в том, что именно Советская Россия была местом рождения «нового человека», представления о том, что некий «новый человек» «должен сменить ныне живущий тип», возникли задолго до большевицкой революции и отнюдь не были специфическим элементом исключительно российской культуры. Вариации на тему «нового человека» циркулировали в самых разных культурах на протяжении всей истории человечества. Тем не менее «Питомник нового человека» содержит подсказку, где именно можно искать ответ на вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи. По Платонову, новый человек «должен быть биологически лучше оборудован», а само появление этого «фантастического существа будущего» есть не что иное, как «внутренне биологическое последствие Октябрьской революции» [Там же: 513]. Использование писателем слов *биологическое* и *биологически* в качестве характеристик «нового человека», а слова *питомник* — для указания на место и способ («новый человек происходит так же, как новый вид животного» [Там же: 514]) его появления позволяет предположить, что в первой трети XX века биология — наука о жизни — имела самое непосредственное отношение к представлениям о «новом человеке». А описание Платоновым его героя как «будущего типа человека» и «фантастического существа будущего» четко указывает на примат *будущего* в таких представлениях.

В этой статье я воспользуюсь подсказкой Платонова. Я постараюсь разобраться в том, когда, как и почему различные достижения науки о жизни, от теории эволюции до результатов экспериментальных исследований, стали важным компонентом представлений о «новом человеке»². Путем сравнения знаменитого романа О. Хаксли «О дивный новый мир» с романом «Долина новой жизни», опубликованным четырьмя годами ранее Ф.Н. Ильиным, я постараюсь оценить универсальность и специфичность таких представлений.

2 Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант моей работы [Kremencov 2021a] и основана на многолетних исследованиях истории мировой и российской науки о жизни. В журнальной публикации невозможно процитировать всю гигантскую посвященную этой тематике историческую литературу, на которой эта статья во многом основывается. Детальные обзоры такой литературы даны в моих опубликованных работах, к которым я и отсылаю читателя.

Что такое «новый человек»?

Представления о «новом человеке» имеют долгую историю в европейской культурной традиции. Философы, литературоведы, историки, культурологи и искусствоведы внимательно изучали роль таких представлений в самых различных хронотопах и областях культуры, от религии, кинематографии и архитектуры до философии, социальных практик и педагогических теорий³. Однако при чтении посвященных «новому человеку» работ порой кажется, что это словосочетание используется их авторами по принципу Шалтай-Болтая из Зазеркалья Льюиса Кэрролла: «Когда я использую какое-то слово, оно означает только то, что мне хочется — не больше и не меньше» [Carroll 1872: 124]⁴. Такой концептуальный разнобой свидетельствует, что сама по себе фраза «новый человек» не имеет однозначного, строго определенного содержания. Что именно скрывается под этим выражением, зависит от того, *кто, где, когда* и *с какими целями* его использовал. Чтобы убедиться в тесной зависимости представлений о «новом человеке» от конкретного исторического контекста, достаточно сравнить, что понимали под этим выражением, скажем, раннехристианские богословы и идеологи большевистской революции.

Тем не менее два слова, составляющие эту фразу, содержат прямую отсылку к двум ключевым понятиям, на которых основана любая концепция «нового человека». Первое из них — это понятие *времени*, поскольку невозможно говорить о чем-то «новом», не зная, что представляет собой это что-то «старое». В основе этой концепции лежит убеждение в возможности и необходимости *временного изменения*, поскольку никакой «новый» человек не возможен без изначального существования некоего «прошлого» человека. Сама фраза «новый человек» указывает на примат времени в его трех основных ипостасях — прошлое, настоящее и будущее. Недаром Платонов характеризовал «нового человека» как «фантастическое существо будущего». Подвижки в понимании того, что такое время, его различных видов и типов (время космологическое и геологическое, биологическое и историческое, линейное и циклическое, конечное и бесконечное, обратимое и необратимое), способах и принципах его исчисления с неизбежностью приводят к изменению представлений о «новом», «грядущем», «будущем» человеке.

Именно основополагающая роль временных изменений в выражении «новый человек» и определила его широкое хождение в обществах, находившихся в процессе исторических пертурбаций и сломов. Даже беглый взгляд на литературу указывает на особую популярность идей о «новом человеке» в Западной Европе времен Реформации; в революционной Франции и так называемых фронтальных обществах США конца XVIII и начала XIX века; в пореформенной России второй половины XIX века; в новых государствах, возникших по окончании Первой мировой войны на обломках Габсбургской, Оттоманской и Российской империй; и в постиндустриальных обществах нынешнего века.

3 Литература о «новом человеке» в европейской культуре огромна и разнообразна. Исторический обзор различных подходов и этапов в развитии представлений о «новом человеке» см.: [Krementsov 2021b].

4 Кроме специально оговоренных случаев переводы всех цитат, равно как и выделения в цитатах, сделаны мною.

Второе ключевое понятие, содержащееся во фразе «новый человек», — это понятие о *природе* или *сущности* человека; грубо говоря, ответ на вопрос: «Что есть человек?» Проблема природы человека на самом деле подразумевает целую серию вопросов: «Кто мы? Откуда мы пришли? И куда мы идем?» — вопросов о смысле жизни и смерти, о предназначении человека и о его месте в Природе. Уже первые мыслители, задумавшиеся над этими вопросами (от египетских жрецов и греческих философов до авторов эпоса о Гильгамеше и Ветхого Завета), отметили *двойственность* природы человека. В различные исторические эпохи эта двойственность выражалась в хорошо всем знакомых противопоставлениях плоти и духа, смерти и бессмертия, материального и идеального, физического и психического, тела и души, биологического и социального и т.д.

На протяжении многих столетий ответы на эти вечные вопросы в европейской культурной традиции формулировались в рамках теологической трактовки *сотворения orbis et hominis*. В иудеохристианской картине мира человек представлялся венцом Божественного творения, центром мироздания и царем Природы. Соответственно, в рассуждениях о «новом человеке» доминировали представления о его богоданной сущности, заключенной в его бессмертной душе, и о возможности его исключительно *духовного* совершенствования через познание Бога и изучение Слова Божьего, или его *духовной* же деградации, обусловленной происками Дьявола и забвением Бога. В трудах мыслителей эпохи Просвещения идеи духовного совершенствования трансформировались в убеждение о решающей роли *обучения* и *воспитания* в формировании «нового человека», получившее к началу XIX века широкое распространение в Европе и за ее пределами, включая Россию. К этому времени, однако, вечные вопросы бытия привлекли внимание не только богословов, философов, литераторов, и политиков, но и *ученых*.

«Новый человек» и наука

Именно в первой половине XIX века систематическое производство знаний о Природе (и о человеке как части Природы), которое мы для краткости обозначаем словом «наука», окончательно приобрело черты особого *социального института* с собственной системой учреждений, патронажа, коммуникаций, кадров, языков, практик, этоса и т.д. В это время происходит быстрая дифференциация наук и оформление отдельных научных дисциплин в соответствии с конкретными объектами, целями и методами изучения. Именно в это время наука о жизни получает свое современное название — «биология», а занятия наукой становятся прерогативой особой группы людей, назвавших себя «учеными» (*scientists*). Показательно, что в английском языке само это слово, *scientist*, появилось лишь в 1830-х годах. А спустя всего двадцать лет российские чиновники озаботились тем, как им вписать эту новую социальную группу в жесткую сословную структуру страны и в не менее жесткую иерархию чинов и должностей, установленную Табелью о рангах. Предложенный учеными «натуралистический» подход к экзистенциальным вопросам отверг освященные веками теологические представления и о времени, и о природе человека [Krementsov 2021b].

Первый удар теологической трактовке мира и времени нанесла геология, радикальным образом переписавшая «историю Земли». Исследования многих

ученых, суммированные в эпохальном труде Чарльза Лайеля «Принципы геологии» (1830—1833), увеличили возраст Земли сразу на несколько порядков: от менее чем десятка тысяч лет, прошедших с описанного в священных книгах Божественного творения, до несчетных миллионов, отразившихся в лишь недавно расшифрованной геологической летописи. Более того, Лайель сумел показать, что прошлые изменения земной коры, происшедшие за эти миллионы лет, были результатом действия тех же самых геологических «сил», которые ученые могут наблюдать и изучать в настоящее время. А следовательно, действие этих сил может не только объяснить прошлое и настоящее нашей планеты, но и предсказать ее геологическое будущее [Lyell 1830—1833].

Второй, еще более ощутимый, удар нанесла биология, получившая мощный стимул от открытий и теорий новой геологии. В 1859 году в Лондоне вышла в свет книга Ч. Дарвина «О происхождении видов». В этой революционной работе Дарвин описал конкретные механизмы, «законы», объясняющие, как именно *процесс временного изменения* (эволюции) видов животных и растений протекает в Природе: законы изменчивости и наследственности, борьбы за жизнь и естественного отбора. По Дарвину, действие этих законов ведет к преимущественному выживанию и размножению одних особей вида и одновременно к вырождению и вымиранию других, обеспечивая приспособление вида к меняющимся условиям жизни и тем самым его превращение в новые виды.

Человеку в объемистом труде Дарвина была посвящена всего одна фраза, обещающая, что изложенная в книге теория поможет «пролить свет на происхождение человека и его историю» [Darwin 1859: 488]. Еще до того, как сам Дарвин попытался выполнить это обещание в своем «Происхождении человека» (1871), усилиями нескольких его последователей, включая Лайеля и Томаса Хаксли, такой свет был действительно пролит [Huxley 1863; Lyell 1863]. Эти ученые привели убедительные доказательства того, что человек отнюдь не центр мироздания, не любимое творение Бога и не царь Природы, а не более чем один из видов животного царства, *Homo sapiens*. И возник этот вид не по мановению Божьей десницы, а эволюционировал согласно установленным Дарвином законам на протяжении сотен тысяч, если не миллионов, лет из некоего предкового вида, общего человеку и человекообразным обезьянам.

Современники Дарвина полагали, что обнаруженные им «законы эволюции», подобно всем остальным законам Природы, открытым к тому времени учеными, — от законов небесной механики до законов термодинамики — абсолютны, неизбежны и неотвратимы. А следовательно, они способны не только описывать и объяснять прошлое и настоящее, но и предсказывать будущее: «усовершенствование» и появление новых видов, равно как и «вырождение» и вымирание ныне существующих. Некоторые ученые попытались использовать «законы эволюции» не только для объяснения «происхождения человека и его истории», но и для предсказаний возможного будущего человечества и даже вмешательства в такое будущее.

Из теории Дарвина следовало, что «эволюционное предназначение» человека не отличается от такового любого другого вида животных. Как и все остальные виды, *Homo sapiens* неизбежно продолжит свою эволюцию и либо даст начало новым видам *Homo*, либо вымрет, как вымерли многие виды животных, когда-то населявших Землю. Уже в 1860-е годы ученые во Франции [Rey 1863], Англии [Galton 1865], России [Флоринский 1865] и Германии [Reich 1868] начали обсуждать возможности использования «законов Дарвина» для

изменения «эволюционного предназначения» человека и управления его будущим. Как свидетельствуют уже сами названия их работ, эти ученые стали предлагать разнообразные схемы борьбы с вырождением и способы усовершенствования человека. Опираясь на дарвиновские принципы изменчивости, наследственности, борьбы за жизнь, естественного и искусственного отбора, они разрабатывали проекты «гигиенического», или «рационального» бракосочетания. Они надеялись, что с помощью регуляции браков между представителями различных социальных (этнических, сословных, конфессиональных, родственных и т.п.) групп им удастся остановить вырождение и способствовать улучшению человеческого рода [Krementsov 2018].

Теория Дарвина оказала огромное влияние на представления о сущности человека и его будущем, о «новом человеке», бытовавшие в европейской культуре в последние десятилетия XIX века [Carroll 2004]. Достаточно упомянуть воплощение «законов эволюции» в писаниях одного несостоявшегося биолога, изучавшего эти законы под руководством их главного пропагандиста, Томаса Хаксли. Этим расстригой-биологом был не кто иной, как Герберт Уэллс. Его статьи, «Человек миллионного года» (1893) и «Вымирание человека» (1894), равно как и его первые романы, «Машина времени» (1895) и «Война миров» (1897), по своей сути не более чем литературные проекции предсказательной силы главных положений дарвиновской теории и художественные описания вероятных будущих последствий «законов эволюции» для вида *Homo sapiens*, таких как адаптация, дивергенция, конкуренция, вырождение и вымирание.

Уэллс был не одинок в своем обращении к теории Дарвина в поисках ответов на вечные вопросы бытия и художественных предсказаний возможного будущего человека и человечества. В России, к примеру, В.В. Битнер, издатель и редактор влиятельного журнала «Вестник знания», выпустил в 1903 году многотомный обзор «главнейших научных и культурных приобретений XIX века». Вся третья часть этого обзора была озаглавлена «Откуда, кто и куда мы?» и целиком посвящена приложениям теории Дарвина к прошедшей и будущей истории человечества. А три года спустя профессор зоологии Санкт-Петербургского университета В.М. Шимкевич опубликовал популярную брошюру с характерным названием — «Будущее человечества с точки зрения натуралиста», регулярно дополнявшуюся и переиздававшуюся вплоть до смерти ее автора в 1923 году.

Новая наука о «новом человеке»

Наука, однако, не стоит на месте. Уже ко времени публикации первых романов Уэллса научное знание, лежавшее в их основе, оказалось во многом устаревшим. Дело в том, что практически одновременно с революцией, произведенной работами Дарвина, в науке о жизни началась еще одна революция. Она привела к формированию трех новых, тесно связанных между собой областей: экспериментальной медицины, экспериментальной психологии и экспериментальной биологии, радикально изменивших наши представления о жизни и смерти, здоровье и болезни, норме и патологии, физическом и психическом, а вместе с ними и представления о человеческой природе и предназначении. Сами названия этих областей проясняют смысл происшедшей революции:

внедрение в изучение жизни экспериментальных методов, во многом заимствованных из физики и химии. Вооруженные этими новыми методами ученые с энтузиазмом занялись экспериментальным изучением таких основных жизненных процессов (и их патологических изменений), как обмен веществ, размножение, нервная и эндокринная регуляция, деление клеток, изменчивость, сенсорное восприятие, иммунитет, поведение, наследственность, рост, старение и т.п. Эта революция привела к дифференциации новых дисциплин и направлений в науке о жизни, таких как биофизика и иммунология, генетика и психософизика, биохимия и механика развития, эндокринология и рефлексология, геронтология и психотехника, биомеханика и гематология, и многих других.

Полученные в экспериментах знания быстро нашли применение в различных областях медицины, обеспечив создание новых методов диагностики, принципов лечения, хирургических операций и профилактических мероприятий. Замечательные успехи в пересадках органов и тканей, рентгено- и серодиагностике, переливании крови, иммунизации и вакцинации, радио-, хемо- и серотерапии, использовании гормонов и витаминов, а также в расшифровке некоторых фундаментальных механизмов поведения, наследственности и эмбрионального развития, радикально изменили сами *образы* и науки о жизни, и занимавшихся ею ученых. Эти успехи породили эйфорические представления о науке как средстве *контроля* над жизнью и смертью, а о вовлеченных в подобные исследования ученых как *инженерах* жизни [Pauly 1987]. Один из лидеров новой биологии в России, М.М. Завадовский, утверждал:

Не так далеко то время, когда успехи в изучении живой природы создадут условия для расцвета *биотехники* наряду с технией мертвого материала, задачи же биолога в области формообразования в живой природе, еще кажущиеся близкими к Уэльсовской фантазии [«Остров доктора Моро»], сделаются столь же трезвыми, как задачи строителя-*инженера* [Завадовский 1922: 235].

Зачарованные такой «визионерской биологией», как ее удачно назвал историк науки Марк Адамс [Adams 2000], ученые поверили, что их эксперименты помогут создать новые инструменты для ликвидации болезней, регуляции размножения и продления человеческой жизни. Многим из них казалось, что такие новые технологии позволят им контролировать не только жизнь и смерть, здоровье и болезни человека, но и его дальнейшую эволюцию — коротко говоря, создание «нового человека».

Как и их коллеги в других странах, российские ученые активно участвовали в экспериментальной революции, охватившей науки о жизни. Они с готовностью восприняли идеи контроля над жизнью и смертью, духом и телом и в конечном счете над природой и эволюцией человека. Так, в 1903 году будущий нобелевский лауреат И.И. Мечников опубликовал по-французски объемистую работу, озаглавленную просто «Этюды о природе человека». Вскоре появившаяся на русском, немецком и английском языках и ставшая международным бестселлером, книга выражала убеждение ее автора в том, что «улучшение человеческой природы прежде всего требует глубокого знания ее» [Мечников 1961: 236]. По мнению ученого, лишь наука способна дать человеку требуемое знание, а следовательно и инструменты, для такого улучшения: «Для изменения человеческой природы... прежде всего надо отдать себе отчет в идеале, к которому следует стремиться, и затем употребить все средства, представляемые наукой для его существования» [Там же: 245]. Мечникову вто-

рил И.П. Павлов, признававшийся в нобелевской речи 1904 года, что у человека есть «могучий ресурс: естествознание с его строго объективными методами», который позволит ему познать и изменить свое «психическое содержание» [Павлов 1951: 360].

В первые десятилетия XX века такая вера в науку способствовала быстрому распространению по всему миру евгенического движения, направленного на борьбу с «вырождением» и за «улучшение» человеческого рода [Bashford, Levine 2010]. Успехи в экспериментальных исследованиях жизни привели к переосмыслению способов вмешательства в «эволюционную судьбу» человечества, фигурировавших в предыдущие десятилетия в виде проектов «гигиенического» брака. Разработка новых инструментов контроля над репродукцией человека — от половой стерилизации и инъекций половых гормонов до трансплантации половых желез и искусственного оплодотворения — значительно повысила популярность идей о «контролируемой» эволюции человека. Эти новые технологии сыграли существенную роль в формировании специальной дисциплины — «евгеники», как окрестил ее Фрэнсис Гальтон, — ставшей важным компонентом «визионерской биологии». На протяжении первой трети XX века евгеника институализовалась в более чем сорока странах по всему миру, включая Россию [Krementsov 2018]. Участники Второго международного евгенического конгресса, состоявшегося осенью 1921 года в Нью-Йорке, приняли изучение и осуществление «управляемой самим человеком его собственной эволюции» в качестве главной цели своих занятий [Laughlin 1923: 15]. Психиатры, юристы, антропологи, гигиенисты, педагоги, гинекологи, социологи и особенно специалисты в новых областях экспериментальной медицины, психологии и биологии (генетики, эндокринологи, биохимики и т.д.) по всему миру организовывали евгенические лаборатории, общества, институты, журналы и конференции. Они исследовали и пропагандировали новые возможности «улучшения человеческой природы», как назвал свою книгу о евгенике один из ее российских сторонников [Слепков 1927].

Новые миры для «новых людей»

«Визионерская биология» оказала громадное влияние на представления о сущности человека и о его будущем, о «новом человеке», бытовавшие в европейской культуре первой трети XX века. Бесспорно, самым известным примером такого влияния является роман «О дивный новый мир» (1932) Олдоса Хаксли, внука того самого Томаса Хаксли, у которого Уэллс учился биологии, и младшего брата Джулиана Хаксли, одного из самых влиятельных британских биологов-экспериментаторов того времени.

В 1929 году Герберт Уэллс, его сын, зоолог Г.П. Уэллс, и Дж. Хаксли опубликовали адресованный широкой публике трехтомный труд, названный скромно «Наука о жизни» [Wells et al. 1929]. Вышедший одновременно по обе стороны Атлантики трехтомник представил читателям в доступной форме практически все современные достижения в изучении жизненных процессов и явлений, став по сути энциклопедией новой биологии. Как вспоминал Дж. Хаксли, основная часть этого труда была написана им самим и сыном Уэллса, поскольку Уэллс-старший «забыл большую часть биологии, а то, что он помнил, было к тому времени устаревшим» [Huxley 1970: 155—156]. По свидетельству

Дж. Хаксли, зимой 1927—1928 года Олдос был непосредственным свидетелем работы над трехтомником и регулярно участвовал в обсуждении его содержания [Ibid.: 160]. Многие из описанных Дж. Хаксли успехов экспериментальных исследований — от павловских рефлексов и фрейдистского психоанализа до манипуляций эмбриональным развитием и гормональной регуляции фертильности — вошли почти без изменений в изображение «дивного нового мира» и населяющих его людей.

Однако общую идею романа о том, что наука может радикально улучшить будущее и осчастливить человечество, Олдос заимствовал не из писаний Уэллса и своего старшего брата, а у школьного друга, восходящей звезды новой экспериментальной биологии, Дж.Б.С. Холдейна. В 1923 году Холдейн опубликовал пространное эссе с неожиданным названием «Дедал, или Наука и будущее», в котором четко сформулировал и блестяще проиллюстрировал эту идею [Haldane 1923]. «Наука» в названии эссе была представлена не физикой или химией, а экспериментальной наукой о жизни. Как категорично выразился Холдейн, «центр научных интересов находится в биологии», а «биолог — самая романтическая фигура на земле в наши дни» [Ibid.: 77]. Появление же в заглавии эссе имени Дедала было обосновано не его инженерными успехами в конструировании крыльев и строительстве Лабиринта, а его ролью в создании получеловека-полубыка Минотавра — первого «межвидового гибрида» и «единственного зарегистрированного успеха экспериментальной генетики», по словам Холдейна [Ibid.: 47]. Всего за три года «Дедал» выдержал семь изданий и вызвал острую полемику среди британских интеллектуалов. Известный математик-философ Бертран Расселл даже опубликовал критическое опровержение «Дедала» под многозначительным названием «Икар, или Будущее науки» [Russell 1924]. Расселл сомневался в том, что наука сама по себе сможет обеспечить счастливое будущее человечества. По его мнению, результаты науки будут использованы в интересах не всего человечества, а лишь властей предрержащих, которые будут жестко контролировать развитие науки. Холдейн ответил критикам еще одним эссе с говорящим названием «Страшный суд», опубликованным в 1927 году, в котором привел новые аргументы в защиту своей позиции [Adams 2000].

Олдос Хаксли внимательно следил за полемикой, вызванной футуристическими идеями Холдейна. Главное научное основание «дивного нового мира», «эктогенез» — выращивание человеческих эмбрионов вне организма матери, — прямо заимствовано из «Дедала». А образы «контролеров мира» и злоупотреблений властью, обеспечиваемые новыми биопсихомедицинскими технологиями, взяты из «Икара». В предисловии, написанном для переиздания романа, сам автор так объяснял его «биопсихомедицинскую» направленность:

Тема «Дивного нового мира» не развитие науки как таковой; а развитие науки, влияющей на людей. Триумфы физики, химии и техники по умолчанию принимаются как нечто само собой разумеющееся. Единственные научные достижения, которые специально описаны [в романе], связаны с применением к людям результатов будущих исследований в области биологии, физиологии и психологии. Только с помощью наук о жизни можно радикально изменить качество жизни [Huxley 1956: 10].

Роман, таким образом, стал самым известным литературным комментарием к достижениям, обещаниям и чаяниям биологов, медиков и психологов, зани-

мавшихся поиском средств контроля над человеческой природой в надежде на создание «нового человека».

Влияние экспериментальной науки о жизни на представления о «грядущем человеке» никоим образом не ограничивалось британской культурой. Оно проявилось во Франции и Германии, Италии и США и многих других странах. И, как свидетельствуют сочинения Платонова, Россия не была исключением. Российские писатели, философы, режиссеры, государственные деятели, ученые и художники также основывали свои представления о «новом человеке» на знаниях и технологиях, полученных новыми биопсихомедицинскими дисциплинами.

В качестве параллели и даже предтечи (и тематически, и хронологически) «Дивного нового мира» можно вспомнить роман со столь же красноречивым названием «Долина новой жизни» [Krementsov 2019]. Опубликованный под загадочным псевдонимом, роман был написан активным участником экспериментальных биомедицинских исследований, врачом-гинекологом Ф.Н. Ильиным, и описывал первые этапы создания «нового мира», основные очертания которого Олдос Хаксли узнал бы без всякого труда [Тео Эли 1928]. Действие романа происходит в изолированной долине в Гималаях, а рассказчиком выступает французский инженер-электрик Герье, один из обитателей долины. Роман изображает новую цивилизацию, созданную кланом американских миллиардеров Квинсли. С помощью ведущих ученых и инженеров, которых они «импортируют» в долину со всего мира, Квинсли заселяют эту новую Атлантиду расой «сверхлюдей». По их планам, этой расе суждено завоевать и переделать «старый» мир. «Долина новой жизни» знаменует триумф человечества над Природой с помощью науки и техники. Жители долины используют атомную энергию, передают электричество без проводов, ездят на сверхбыстрых «магнитных» поездах и летают на «электрических крыльях». Но, как и в «Дивном новом мире», что действительно делает долину местом состоявшегося будущего, — это различные биопсихомедицинские технологии, от искусственной пищи до пересадки органов и мысленного внушения. Рассказчик извиняется за «неточности в своих объяснениях» этих технологий, поскольку ему не хватает «основательной биологической подготовки». Но, по словам рассказчика, «биологической части я никак не могу избежать, так как она занимает видное место во всем, мною пережитом» [Там же: 9].

Во многом сочинение Ильина построено на тех же основаниях, что и роман Хаксли, и представляет читателю антологию новейших достижений науки о жизни. Как поясняет рассказчик, во всех применяемых в долине биопсихомедицинских технологиях «не было ничего чудесного в полном смысле этого слова», а «были только достижения науки, зачатки которых были известны в Европе» [Там же: 86]. Самое поразительное в долине — это новая раса людей, составляющая ее «коренное» население. Ее создателем является «русский зоолог, прославившийся своими работами в области искусственного осеменения и гибридизации животных», по фамилии Петровский⁵ [Там же: 95]. Как и в «Дивном новом мире», цель создателей и обитателей «долины новой жизни» — осчастливить человечество. По словам Петровского, «единственная возможность создать счастье на земле заключается в пересоздании человечества»

5 Несомненно, что прототипом Петровского был И.И. Иванов.

[Там же: 169]. И экспериментальная наука о жизни выступает поставщиком необходимых инструментов для такого пересоздания. Так же, как и обитатели «дивного нового мира», населяющая долину раса сверхлюдей создана с помощью искусственного оплодотворения и эктогенеза — выращивания человеческих эмбрионов в «инкубаториях». Так же, как и жители «дивного нового мира», они еще до рождения, путем различных манипуляций над эмбрионами, разделены на отдельные «касты», предназначенные для выполнения разных обязанностей и профессий. В обоих «новых мирах» многократно ускоренное развитие, обучение и воспитание этих «новых людей» основаны на применении гормонов, химических препаратов, массового внушения и «контроля над сознанием».

В обоих романах новая биология ведет за собой новую социологию. В результате использования биопсихомедицинских технологий семья больше не является главной ячейкой социальной организации обитателей обоих «новых миров». У них нет отцов, матерей, мужей, жен, детей, братьев и сестер. Им неизвестны чувства и эмоции, обусловленные такими биологическими и социальными ролями. Нет у них и традиционных фамилий. У Ильина (как и в романе Е. Замятина «Мы») они носят номера, а у Хаксли — символические имена «культурных героев» «дивного нового мира», от Форда, Фрейда и Дарвина до Маркса и Ленина. В мире Хаксли слова «мать» и «отец» являются непристойностями. В мире Ильина они употребляются только в переносном смысле; один из «туземцев» прямо заявляет: «наша мать — Природа, а отец — Наука» [Там же: 256].

Более того, в полном соответствии с мрачными предсказаниями Расселла, в обоих романах сильные мира сего — десять мировых контролеров у Хаксли и миллиардеры Квинсли у Ильина — используют различные предоставленные наукой инструменты в своих собственных целях, прежде всего для контроля над населением. Те же силы стремятся контролировать и саму науку. Постоянный контролер Западной Европы Мустафа Монд в «Дивном новом мире» прямо утверждает: «Наука опасна; мы должны самым тщательным образом держать ее в цепях и в наморднике. <...> Она дала нам самое стабильное равновесие в истории. <...> Но мы не можем позволить науке свести на нет ее собственную отличную работу» [Huxley 1956: 187]. Словно в подтверждение этой декларации, в «Долине новой жизни» ученые, снабдившие Квинсли инструментами «контроля над сознанием», создают специальное устройство, защищающее их собственное сознание от такого контроля.

Можно было бы продолжить описание сходств и различий между «дивным новым миром» и «долиной новой жизни», но для целей данной статьи более важным представляется понять, чем объясняется такой удивительный параллелизм, равно как и существенные расхождения, между произведениями британского и российского авторов.

«Новый человек» как культурный ресурс

Романы Хаксли и Ильина представляют собой конечные результаты трансформации специализированных, часто весьма эзотеричных, научных знаний о человеческой природе (как телесной, так и духовной) в особый *культурный ресурс*, скрывающийся под выражением «новый человек». Эта трансформа-

ция включала три взаимосвязанных процесса: производство новых знаний; их перевод на язык, доступный для широкой публики; и их использование различными заинтересованными группами, включая философов, педагогов, теологов, политиков, литераторов, художников и ученых [Krementsov 2014].

Пожалуй, самой активной среди таких групп были литераторы. На рубеже XX века широкая популяризация научных знаний стимулировала формирование нового литературного жанра, получившего название «научная фантазия» или «научная фантастика». Появление слова *научный* в качестве прилагательного к таким существительным, как *фантазия* и *фантастика*, недвусмысленно сигнализировало об общественном признании растущей роли науки в жизни человечества. Различные достижения науки о жизни быстро стали темами многочисленных научно-фантастических произведений. Как Хаксли и Ильин, многие их собратья по перу внимательно исследовали возможные последствия нового знания о человеческом теле и духе для будущего человечества. Некоторых из них интересовала возможная эволюция телесных форм и функций. Они изображали красивые, здоровые и даже бессмертные тела «грядущих людей», специальные модификации, приспособляющие их к экстремальным условиям жизни (в океанских глубинах или на других планетах), и даже отдельно живущий человеческий мозг как следующий этап в эволюции человека. Другие пытались вообразить будущее психическое развитие человечества, от злодеев-телепатом и гениев до «общинного» и «бестелесного» разума. Третьи изучали социальные (включая гендерные) роли, отношения и структуры, которые создадут «новые люди» будущего. Писатели выдумали целый ряд особых «подвидов» «нового человека», которые в самое ближайшее время будут вызваны к жизни открытиями ученых: «физиологический коллектив» (А. Богданов), «робот» (К. Чапек), «человек-амфибия» (А. Беляев), «групповой разум» (О. Стэплдон), «суперорганизм» наподобие пчелиного улья (К. Мережковский) и т.д. В своих произведениях они использовали для создания «нового человека» и человечества все возможные предоставленные наукой инструменты, от пересадки органов и переливания крови до мысленного внушения и межвидовой гибридизации [Krementsov 2011; 2014; 2019].

Некоторые из этих научно-фантастических произведений были весьма оптимистичны, с энтузиазмом приветствуя грядущее светлое будущее и «людей, подобных богам» (Уэллс), которые будут его населять. Другие, напротив, предрекали неизбежные катастрофы, порожденные вмешательством ученых в Природу в целом и человеческую природу в частности, как это происходит в повестях М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «Собачье сердце» [Krementsov 2014]. Все они выражали надежды и страхи, вызванные наукой о жизни в воображении их авторов и воплотившиеся в образах «новых людей». Понятно, что выражение «новый человек» в отдельных произведениях имело весьма различный и зачастую противоречивый смысл. Можно предположить, что сама эта фраза служила всего лишь удобным *ярлыком*, обозначающим специфический для определенного места и времени культурный ресурс. Этот ресурс представлял собой своеобразный сплав циркулирующих в конкретном хронотопе образов, идей, концепций, клише и фантазий о природе человека и ее возможных будущих изменениях. Без детального анализа *конкретного содержания* этого ресурса — составляющих его элементов, их происхождения, исторического развития и взаимоотношений — выражение «новый человек» не столько

проясняет, сколько затемняет, что именно скрывается под этим универсальным ярлыком в творчестве отдельных писателей, ученых, богословов, кинематографистов, художников и политиков.

Тщательное сравнение научных и технических элементов в концепциях «нового человека», циркулирующих в различных хронотопах, открывает широкие (хотя и редко используемые) возможности для выяснения *специфичности* таких концепций, обычно обозначаемой выражениями типа «новый советский человек» и «новый *фашистский* человек». Анализ «научной составляющей» разнообразных концепций «нового человека» представляется особенно продуктивным, поскольку, согласно традиционным взглядам, одной из ключевых характеристик науки и производимого ею знания является *универсализм*. Грубо говоря, такой универсализм означает, что результаты экспериментов, произведенных в одной лаборатории, могут и должны быть подтверждены или опровергнуты в другой, а законы науки, будь то законы механики, термодинамики или эволюции, являются истинными независимо от того, где они были открыты (к примеру, в Англии или в России). Именно в этом смысле наука и производимое ею знание *универсальны* и *интернациональны* [Krementsov 2005]. Показательно, что в «Питомнике нового человека» Платонов придерживается именно такого традиционного представления:

Теперь о науке. Она никогда не была национальной. Способ мысли у человека один во всех странах. Природа сделала мозг одинаковым всюду. Любое научное открытие совершается только раз и в одной стране. Нелепо открывать, скажем, радио дважды. После первого открытия, второе не имеет значения. Радио не может быть ни русским, ни немецким, ни итальянским — оно просто радио [Корниенко 2005: 509].

Соответственно, также универсальны и интернациональны должны бы быть и научные исследования жизни, и производимые ими знания и технологии. И именно такая универсальность научного знания, возможно, объясняет многочисленные сходства в основанных на таком знании концепциях «нового человека», получивших распространение в первой трети XX века в столь различных странах, как Великобритания и Россия.

«Новый человек» в науке и культуре большевистской России

Историки науки, однако, уже давно подвергают сомнению утверждения об универсализме и интернационализме науки, рассматриваемой просто как упорядоченная система знания, поскольку организация и существование науки и как особого социального института, и как особой когнитивной практики всегда *локальны*. Наука всегда встроена в матрицу конкретного времени, места, общества, государства, языка и культуры. Такая «местечковость» науки с необходимостью отражается в содержании культурных ресурсов, формируемых на основе производимого ею знания. Россия представляет особенно интересный случай для изучения этих сюжетов, поскольку большевистская революция совпала во времени с пиком экспериментальной революции в науке о жизни.

До 1917 года социальная и когнитивная организация российской науки практически не отличалась от таковой в других странах. Но после большевист-

ской революции она претерпела весьма существенные изменения [Krementsov 1997]. Главным из них стала «национализация» науки — переход к *исключительно* государственной поддержке исследований и исследователей. Наука в определенном смысле стала собственностью государства. Национализация стимулировала быстрое формирование «симбиотических» отношений между российским научным сообществом и новорожденным большевистским государством и обеспечила беспрецедентный рост числа научных учреждений и их работников. Такое «огосударствление» сделало занятия наукой массовой профессией и заметно повысило престиж науки и ученых в советском обществе. Всего за два десятилетия Россия превратилась из «глухой провинции» в один из ведущих центров мировой науки.

Национализация сказалась не только на размерах и общественном авторитете российской науки. Она также существенно повлияла на ее когнитивную структуру и практику. Отсутствие альтернативных источников поддержки превратило ученых в заложников партгосаппарата и его меняющихся приоритетов во всех сферах жизни: экономике, политике, идеологии и культуре. В этих условиях направления исследований, воспринимавшиеся аппаратчиками как соответствующие их приоритетам, получали почти неограниченную поддержку и активно развивались, а несоответствующие лишались поддержки, хирели и исчезали или просто-напросто запрещались [Krementsov 2010].

В первое десятилетие советской власти науке о жизни в этом плане повезло: большевики считали ее необходимым фундаментом для модернизации двух жизненно важных областей: здравоохранения и сельского хозяйства. Кроме того, ее достижения (и теория биологической эволюции, и результаты экспериментальных исследований) стали одним из главных орудий в борьбе большевиков с их заклятым врагом — религией и насаждаемым ею представлением о богосотворенности мира и человека. Однако еще более важным было то, что «визионерская биология» оказалась весьма созвучна «революционным мечтаниям» (по удачному выражению историка Ричарда Стайтса) большевиков о построении «нового мира» и «нового общества», заполонившим российское культурное пространство после Октябрьской революции [Stites 1989]. «Новый человек» стал неотъемлемой частью таких мечтаний, поскольку главная доктрина большевиков, марксизм, с самого ее зарождения была пропитана идеями о «новом человеке» — «могильщике капитализма» и «строителе коммунизма» [O'Brien 1987; 1992]. Российские марксисты с энтузиазмом поддерживали разработку разнообразных биопсихомедицинских технологий создания «нового человека». Не говоря уже о А.А. Богданове, активно занимавшемся и теоретическим анализом, и практическим использованием одной из таких технологий — переливания крови [Krementsov 2011], достаточно вспомнить многократно цитировавшееся заявление Л.Б. Троцкого. Второй человек в большевистской партии вдохновенно говорил о создании «под собственными пальцами» с помощью «сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки» «более высокого общественно-биологического типа, если угодно — сверхчеловека» [Троцкий 1923: 195]. А год спустя нарком здравоохранения Н.А. Семашко, самый влиятельный патрон биомедицинских исследований в большевистском правительстве, настаивал на необходимости «биологического анализа» при решении любых государственных проблем. «Марксист-естественник», как он сам себя характеризовал, сетовал на то, что «на биологический метод у нас еще мало обращается внимания (может быть,

потому, что наши выдающиеся марксисты больше социологи, экономисты, политики, но не биологи)». По мнению наркома, «именно биологическое освещение необходимо часто для решения, казалось бы, чисто социальных, экономических проблем» [Семашко 1924: 150].

В первое послереволюционное десятилетие такой резонанс «визионерской биологии» российских ученых и «революционных мечтаний» их партнеров и патронов в госпартаппарате привел к поистине взрывному росту числа биопсихомедицинских исследовательских учреждений и их работников и стремительной институализации новых экспериментальных дисциплин. Этот резонанс также обеспечил широчайшую популяризацию науки о жизни в советском обществе. Сотни популярных статей, брошюр и книг, опубликованных в это время учеными, литераторами, врачами, партийными и государственными деятелями, журналистами и философами, с успехом перевели специальное научное знание, добытое в исследованиях жизни, на язык, доступный и понятный любому мало-мальски образованному человеку. Именно эти публикации и стали главным источником научного знания для всех участников культурного процесса, включая философов, писателей, политиков, драматургов, кинематографистов и художников [Krementsov 2014]. Они-то и обеспечили активное включение новейших достижений науки о жизни в культурный ресурс, обозначаемый выражением «новый человек».

Самое главное, однако, то, что все эти процессы привели к весьма существенному по сравнению с предшествующими десятилетиями изменению содержания этого культурного ресурса. Жесткий контроль большевиков над содержанием и распространением всей культурной продукции практически полностью исключил из представлений о «новом человеке» все «идеалистические» (религиозные, мистические, спиритуалистические, теософские, оккультные и т.п.) интерпретации природы человека и его будущего, пользовавшиеся огромной популярностью до 1917 года [Tetzner 2013]. Одновременно такой контроль заглушил всякую критику их собственных «материалистических» трактовок этих вопросов, как это произошло, например, с повестью М.А. Булгакова «Собачье сердце», запрещенной к публикации по указанию Л.Б. Каменева, или с рассказом И.Г. Эренбурга «Ускомчел» (усовершенствованный коммунистический человек), запрещенным к публикации И.В. Сталиным.

Даже столь краткое описание позволяет утверждать, что культурные ресурсы, имеющиеся в конкретном обществе, гораздо более локальны и специфичны, чем то научное знание, на котором такие ресурсы часто основываются. Анализ «научного содержания» циркулирующих в различных хронотопах концепций «нового человека», таким образом, позволяет выявить сходства и различия в восприятии конкретных биопсихомедицинских исследований и их результатов в культуре определенного общества. Например, контроль над размножением с помощью новых биопсихомедицинских технологий приводит к весьма различным последствиям в романах Хаксли и Ильина. В «дивном новом мире» главным инструментом социализации и социальных взаимодействий его обитателей становится секс (вспомним лозунг этого мира: «каждый принадлежит каждому»). А в «долине новой жизни» секс совершенно отсутствует. Ее жители полностью лишены «всех особенностей пола и страстей, так вредно влияющих на современного человека во всех странах земного шара» [Тео Эли 1928: 161]. Более того, само «производство» женщин ограничено лишь пятью тысячами в год: «они оказались невыгодны для Долины Новой Жизни,

так как физически слабее мужчин и отличаются меньшей уравновешенностью характера» [Там же: 160]. Столь различные социальные последствия использования по сути одних и тех же биопсихомедицинских технологий несомненно отражают не только личные позиции авторов двух романов. Они также указывают на существенные различия и в направлениях научного изучения, и в общественном восприятии в Великобритании и большевистской России «сексуальной революции», разразившейся в начале XX века [Carleton 2005; Dabhoiwala 2012; Naiman 1997]. Стоит отметить, что взгляды Платонова на секс (не только в «Питомнике нового человека», но и в других произведениях 1920-х годов, например в «Антисексусе») весьма близки к описанным Ильиным.

От инженеров жизни до инженеров человеческих душ

Самый общий ответ на вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи, состоит в том, что в первой трети XX века представления о «новом человеке» наполняются разнообразными материалами, заимствованными из экспериментальной науки о жизни. Уже в последней трети XIX века наука о жизни проникает в содержание культурного ресурса, обозначаемого фразой «новый человек», в виде неизбежных законов биологической эволюции, которые неотвратимо ведут либо к «вырождению» и вымиранию, либо к «совершенствованию» человеческого рода. В первые десятилетия XX века экспериментальная революция в изучении жизни приводит к отрицанию неизбежности такой «эволюционной судьбы» *Homo sapiens*. Успехи экспериментальных исследований генерируют различные биопсихомедицинские технологии, которые передают «контроль» над будущим человечества от «слепых» законов Природы в руки «инженеров жизни» — ученых, занимающихся подобными исследованиями и создающих такие технологии. На протяжении первой трети XX века то место, которое различные материалы экспериментальной биологии, психологии и медицины (идеи, практики, методы, объекты, гипотезы, агенты, образы и т.д.) занимают в содержании этого культурного ресурса, постоянно расширяется.

В России этот общемировой процесс приобрел особые черты, поскольку пик экспериментальной революции в науке о жизни совпал во времени с большевистской революцией. Благодаря резонансу «визионерской биологии» российских ученых и «революционных мечтаний» их покровителей среди большевистского руководства популярность предложений использовать биопсихомедицинские технологии для создания «нового человека», равно как и общественный авторитет разрабатывающих такие технологии ученых, резко возросли. Более того, они заметно потеснили и «онаучили» идеи о ведущей роли обучения и воспитания в создании «нового человека», ставшие неотъемлемой частью этого ресурса еще с эпохи Просвещения. Достаточно вспомнить популярные интерпретации воспитания и обучения, как всего-навсего процесса формирования новых рефлексов, активно развивавшиеся В.М. Бехтеревым, И.П. Павловым и их многочисленными учениками, и неоднократные попытки приложения таких интерпретаций в педагогике, психотехнике и педологии. Так, в 1925 году один из сотрудников Бехтерева опубликовал брошюру с характерным названием «Рефлексология и педагогика», ежегодно дополнявшуюся и переиздававшуюся вплоть до 1930 года [Арямов 1930]. По-

хожие идеи высказывались и на Западе. Как громко заявлял основатель бихевиоризма Дж. Уотсон:

Дайте мне дюжину здоровых, хорошо сформированных младенцев и мой собственный мир, в котором я их воспитаю, и я гарантирую, что смогу совершенно случайным образом выбрать одного из них и натренировать его так, чтобы он стал любым специалистом по моему выбору — доктором, юристом, художником, купцом и даже нищим или вором, совершенно независимо от талантов, наклонностей, способностей, призваний и расы его предков [Watson 1930: 82].

Стоит заметить, что, хотя «неопапавловское формирование рефлексов» и фигурирует в «Дивном новом мире» [Huxley 1956: 28, 52], на Западе популярность подобных радикальных предложений оказалась в это время значительно ниже, чем в России.

Превалирование биопсихомедицинских знаний и технологий в представлениях о «новом человеке» и будущем человечества продолжалось в Советской России относительно недолго. Начавшаяся в конце 1920-х годов «революция сверху» [Tucker 1990] привела к установлению личного контроля И.В. Сталина над госпартаппаратом и жесткого контроля этого аппарата над всеми сферами жизни страны. Она заглушила «революционные мечтания» предшествующего десятилетия, заменив их обязательной, хотя и постоянно меняющейся, «партийной линией» и планами пятилеток. Она также резко снизила и значение биопсихомедицинских знаний в представлениях о «новом человеке», и роль ученых в предсказаниях и создании будущего. Всякие попытки биопсихомедицинского «контроля» над будущим стали осуждаться и отвергаться как «вредная» «буржуазная» *биологизация* сущности человека. Опубликованные в «Комсомольской правде» почти еженедельно с июня по декабрь 1928 года материалы к дискуссии, проходившей под рубриками «Кто строитель социализма?» и «Какой человек нам нужен?», убедительно показывают, что вера в исключительную роль обучения и воспитания в формировании «нового человека» опять стала главным компонентом в содержании культурного ресурса, определяемого этим выражением. Роспуск в 1930 году Русского евгенического общества и исчезновение евгеники из дискуссий о «новом человеке» также явились красноречивой приметой нового времени [Krementsov 2018]. В 1930-е годы партийные идеологи и функционеры стали главными «футурологами», определявшими будущее страны, ее населения и человечества в целом. Террор и пропаганда заняли место новых знаний и технологий, предлагаемых экспериментальной наукой о жизни. Советские идеологи продвигали «марксистское» истолкование сущности человека как продукта *исключительно* социальных, в первую очередь трудовых и экономических, отношений. Они не отрицали роли биологических факторов в *прошлой* эволюции человеческого вида, но для них эта роль закончилась с появлением труда и классового общества. Как выразился один молодой марксист, в процессе эволюции человека произошел «переход от ведущей роли естественного отбора к ведущей роли труда» [Крестьянский 1941]. Отныне Homo novus должен был создаваться не манипулированием репродукцией и наследственностью человека, а путем жесткого контроля над воспитанием и образованием. В этой ситуации уже не ученые, а писатели получили звание «инженеров», создающих «нового человека». Но объектом приложения их усилий стали исключительно «человеческие души», а «социалистический реализм» вытеснил научную фантастику на

задворки детской литературы. К концу 1930-х годов в двойственности человеческой природы биологическое подверглось полному «диалектическому отрицанию» социальным. Это, однако, уже другая история, требующая для своего детального освещения отдельной работы.

Библиография / References

- [Арямов 1930] — *Арямов И.А.* Рефлексология и педагогика. 6-е изд. М.: Работник просвещения, 1930.
- (*Ariamov I.A.* Refleksologiya i pedagogika. 6th ed. Moscow, 1930.)
- [Завадовский 1922] — *Завадовский М.М.* Пол и развитие его признаков. М.: ГИЗ, 1922.
- (*Zavadovskiy M.M.* Pol i razvitie ego priznakov. Moscow, 1922.)
- [Корниенко 2005] — *Корниенко Н.* Чевенгурские мечтания о «новом человеке» в статьях Платонова 1920-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 6 / Под ред. Н. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 483—519.
- (*Kornienko N.* Chevengurskie mechtaniya o "novom cheloveke" v stat'yakh Platonova 1920-kh godov // "Strana filosofov" Andreya Platonova: Problemy tvorchestva. Iss. 6. Moscow, 2005. P. 483—519.)
- [Кремянский 1941] — *Кремянский В.И.* Переход от ведущей роли отбора к ведущей роли труда // Успехи современной биологии. 1941. Т. 14. С. 356—371.
- (*Kremianskii V.I.* Perekhod ot vedushchey roli estestvennogo otbora k vedushchey roli truda // Uspekhi sovremennoy biologii. 1941. Vol. 14. P. 356—371.)
- [Мечников 1961] — *Мечников И.И.* Этюды о природе человека. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- (*Mechnikov I.I.* Etyudy o prirode cheloveka. Moscow, 1961.)
- [Павлов 1951] — *Павлов И.П.* Нобелевская речь // Павлов И.П. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. 2. Ч. 2. С. 347—360.
- (*Pavlov I.P.* Nobelevskaya rech' // Pavlov I.P. Polnoe sobranie sochineniy: In 6 vols. Moscow; Leningrad, 1951. Vol. 2. Pt. 2. P. 347—360.)
- [Семашко 1924] — *Семашко Н.* О биологическом подходе к постановке полового воспитания // Звезда. 1924. № 5. С. 150—153.
- (*Semashko N.* O biologicheskom podkhode k postanovke polovogo vospitaniya // Zvezda. 1924. № 5. P. 150—153.)
- [Слепков 1927] — *Слепков В.* Евгеника. Улучшение человеческой природы. М.: ГИЗ, 1927.
- (*Slepkov N.* Evgenika. Uluchshenie chelovecheskoy prirody. Moscow, 1927.)
- [Тео Эли 1928] — *Тео Эли.* Долина новой жизни. М.: Круг, 1928.
- (*Teo Eli.* Dolina novoy zhizni. Moscow, 1928.)
- [Троцкий 1923] — *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Красная новь, 1923.
- (*Trotsky L.D.* Literatura i revoliutsiya. Moscow, 1923)
- [Флоринский 1865] — *Флоринский В.М.* Усовершенствование и вырождение человеческого рода // Русское слово. 1865. № 8. С. 1—57; № 10. С. 1—43; № 11. С. 1—25; № 12. С. 27—43.
- (*Florinskii V.M.* Usovershenstvovanie i vyrozhdenie chelovecheskogo roda // Russkoe slovo. 1865. № 8. P. 1—57; № 10. P. 1—43; № 11. P. 1—25; № 12. P. 27—43.)
- [Adams 2000] — *Adams M.B.* Last Judgment: The Visionary Biology of J.B.S. Haldane // Journal of the History of Biology. 2000. Vol. 33. P. 457—491.
- [Bashford, Levine 2010] — The Oxford Handbook on the History of Eugenics / Ed. by A. Bashford, Ph. Levine. New York: Oxford University Press, 2010.
- [Carleton 2005] — *Carleton G.* Sexual Revolution in Bolshevik Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2005.
- [Carroll 2004] — *Carroll J.* Literary Darwinism: Evolution, Human Nature, and Literature. New York: Routledge, 2004.
- [Carroll 1872] — *Carroll L.* Through the Looking-Glass and What Alice Found There. London: Macmillan and Co., 1872.
- [Dabhoiwala 2012] — *Dabhoiwala F.* The Origins of Sex: A History of the First Sexual Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- [Darwin 1859] — *Darwin Ch.* On the Origin of Species by Means of Natural Selection, Or the

- Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. London: John Murray, 1859.
- [Galton 1865] — *Galton F.* Hereditary Talent and Character // *Macmillan's Magazine*. 1865. Vol. 12. P. 157—166; 318—327.
- [Haldane 1923] — *Haldane J.B.S.* Daedalus, or Science and the Future. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1923.
- [Huxley 1956] — *Huxley A.* Brave New World. London: Vanguard Library, 1956.
- [Huxley 1970] — *Huxley J.* Memories: In 2 vols. Vol. 1. London: George Allen & Unwin, 1970.
- [Huxley 1863] — *Huxley T.H.* Evidence as to Man's Place in Nature. London: Williams and Norgate, 1863.
- [Kremontsov 1997] — *Kremontsov N.* Stalinist Science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- [Kremontsov 2005] — *Kremontsov N.* International Science Between the World Wars: The Case of Genetics. London: Routledge, 2005.
- [Kremontsov 2010] — *Kremontsov N.* Marxism, Darwinism, and Genetics in the Soviet Union // *Biology and Ideology: From Descartes to Dawkins* / Ed. by D. Alexander, R. Numbers. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 215—246.
- [Kremontsov 2011] — *Kremontsov N.* A Martian Stranded on Earth: Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian Science. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- [Kremontsov 2014] — *Kremontsov N.* Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. New York: Oxford University Press, 2014.
- [Kremontsov 2018] — *Kremontsov N.* With and Without Galton: Vasilii Florinskii and the Fate of Eugenics in Russia. Oxford: OpenBook Publishers, 2018.
- [Kremontsov 2019] — *Kremontsov N.* Thought Transfer and Mind Control between Science and Fiction: Fedor Il'in's "The Valley of New Life" (1928) // *Osiris*. 2019. Vol. 34. P. 36—54.
- [Kremontsov 2021a] — *Kremontsov N.* New Sciences, New Worlds, and "New Men" // *The Art and Science of Making the New Man in Early 20th-Century Russia* / Ed. by N. Kremontsov, Y. Howell. London: Bloomsbury Academic, 2021. P. 85—104.
- [Kremontsov 2021b] — *Kremontsov N.* Introduction: On Words and Meanings // *The Art and Science of Making the New Man in Early 20th-Century Russia* / Ed. by N. Kremontsov, Y. Howell. London: Bloomsbury Academic, 2021. P. 1—23.
- [Laughlin 1923] — *Laughlin H.H.* The Second International Exhibition of Eugenics. Baltimore: Williams & Wilkins Company, 1923.
- [Lyell 1830—1833] — *Lyell Ch.* Principles of Geology: Being an Attempt to Explain the Former Changes of the Earth's Surface, by Reference to Causes Now in Operation: In 3 vols. London: J. Murray, 1830—1833.
- [Lyell 1863] — *Lyell Ch.* Geological Evidences of the Antiquity of Man. London: J. Murray, 1863.
- [Naiman 1997] — *Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Soviet Ideology. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- [O'Brien 1987] — *O'Brien J.C.* The Instauration of the New Man of Marxism: A Critique // *International Journal of Social Economics*. 1987. Vol. 14. P. 22—33.
- [O'Brien 1992] — *O'Brien J.C.* Marxism and the Instauration of Man // *International Journal of Social Economics*. 1992. Vol. 19. P. 107—126.
- [Pauly 1987] — *Pauly P.J.* Controlling Life: Jacques Loeb and the Engineering Ideal in Biology. New York: Oxford University Press, 1987.
- [Reich 1868] — *Reich E.* Ueber die Entartung der Menschen, ihre Ursachen und Verhütung. Erlangen: Enke, 1868.
- [Rey 1863] — *Rey M.* Dégénération de l'espèce humaine et sa régénération. Paris: Germer-Baillièrre, 1863.
- [Russell 1924] — *Russell B.* Icarus, or The Future of Science. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1924.
- [Stites 1989] — *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- [Tetzner 2013] — *Tetzner Th.* Der kollektive Gott: Zur Ideengeschichte des "neuen Menschen" in Russland. Göttingen: Wallstein Verlag, 2013.
- [Tucker 1990] — *Tucker R.C.* Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928—1941. New York: Norton, 1990.
- [Watson 1930] — *Watson J.* Behaviorism. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1930.
- [Wells et al. 1929] — *Wells H.G., Huxley J., Wells G.P.* The Science of Life: In 3 vols. London: The Amalgamated Press Ltd, 1929.